

МАРИНА ИНДИВИ
МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СПЯЩЕЕ ПЛАМЯ ФЕРВЕРНА

КНИГА ВТОРАЯ

Марина Индиви Марина Эльденберт Спящее пламя Ферверна. Книга 2

<https://litres.ru/74516924>

SelfPub; 2026

Аннотация

Какие проблемы могут быть у девушки, у которой с детства было все?

Оказаться в центре мирового скандала? Тебя готовили к этому с детства.

Нежелание самых близких принять твой выбор? Ты справишься, ты же сильная.

Провалы в памяти и жаркие сны о том, кого вспоминать не стоит? И это тоже можно взять под контроль.

Не оборачивайся и не оглядывайся, иди вперед и знай, что у тебя все получится. Даже если для мира драконов ты никогда не станешь своей, а мир людей пристально наблюдает за каждым твоим шагом.

Потому что ты - Ятта Хеллирия Ландерстерг, и ты обещала себе быть счастливой. Несмотря ни на что.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	61
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Марина Индиви, Марина Эльденберт Спящее пламя Ферверна. Книга 2

Глава 1

Зингсприд, Аронгара
Ятта

Мне надо что-то сделать.

Мне придется что-то сказать.

Я это понимаю, но все равно не могу пошевелиться или даже вдохнуть, потому что сердце гулко бухает в ушах в ритме только что звучащей в ушах музыки и голоса Вэйда.

— Замечательно, — Роа обошел Вэйда и облокотился на бортик. — Чудесный танец, Ятта.

Только что я летала над сценой, а сейчас внутри меня почему-то такая тяжесть, как будто я снова под толщей льда, на глубине в океане, из которого Роа меня вытащил.

Эта мысль становится еще более тяжелой, когда Вэйд начинает:

— Вайдхэн...

— А ты лучше заткнись, — Роа оборачивается к нему. — Вот просто заткнись сейчас, хорошо?

— Нормально поговорить — это не к тебе?

— Нормально? Нормально поговорить?!

Черное пламя самое тяжелое из всех, и, возможно, я бы ощущала его по-другому, если бы оно было во мне. Но его нет, я даже смутно не представляю, как это было, когда оно было.

Зато я отлично представляю, каково это, когда оно набирает силу, именно это сейчас происходит с Роа. Его ладони окутывает черная дымка, и я бросаюсь к ним.

Громыкнув дверцей, переключаю внимание Роа на себя и надеваю защиту на лезвия.

— Мы уходим, Ятта, — говорит он, раздувая ноздри.

Его зрачки все еще вертикальные, а по ладоням пробегают искры.

— Нет.

— Нет?!

— Я здесь не просто так, и я не уйду, пока не закрою важную для себя тему.

— Закроешь. Тему, — произносит Роа. А потом просто хватает меня за руку, его пальцы сжимаются с такой силой, что боль пронзает чуть ли не до костей. Он тащит меня за собой, под рычание Вэйда:

— Стой, мать твою! Вайдхэн! Пусти ее!

Я оборачиваюсь: его коляска адаптируется, она может

двигаться как на аэроподушке, так и на колесах, и в данный момент она движется с помощью первого.

«Не надо», — шепчу я. Но он вряд ли умеет читать по губам.

В проходе между трибунами Вэйд почти нас догоняет, но в этот момент Роа резко оборачивается. С его пальцев срысывается черное пламя, ударяя в коляску, и ее вместе с Вэйдом относит к бортикам. Которые с хрустом проламываются, Вэйда швыряет на лед в одну сторону, коляску — в другую.

Крик застывает у меня в груди, а потом я со всей силы сжимаю кулак свободной руки и бью Роа в лицо. Раздается хруст, и я не уверена, это мои пальцы или его нос, но мне плевать. От неожиданности его рука разжимается, а я бегу назад под грохот собственного сердца.

Мне кажется, что время, которое у меня осталось... его не осталось вовсе, но я не успеваю даже добежать до разломанного борта. Роа хватается меня сзади, разворачивает к себе, а следом мне в сознание бьет приказ ирлхана:

— Иди за мной, Ятта.

Не может быть.

Этого просто не может быть.

Роа просто не мог так со мной поступить...

Но сознание становится вязким и липким, как пластилин, и во мне нет сил, чтобы от этого защититься, чтобы ему противостоять. Из-за острого излома бортика я не вижу, что с Вэйдом, но вижу, что стало с коляской. Она валяется на льду

перевернутая и исковерканная.

Судя по тому, как искрит механизм, это теперь куча бесполезного металлолома.

— Иди за мной молча. Без вопросов, — пробивает сознание новый приказ. — Мы выйдем вместе и сядем во флайс.

И мы выходим вместе, и садимся, внутри творится какой-то раздирающий на части кошмар. Я пытаюсь сопротивляться приказу иртехана, но это невозможно. Флайс взмывает ввысь, Роа поднимает перегородку, отделяющую нас от водителя, и смотрит на меня в упор.

Ну что я хочу сказать, нос я ему все-таки разбила. Правда, сейчас это слабое утешение.

Мне хочется спросить «Ты больной?», но в голове все крутится и крутится, и крутится приказ: «Без вопросов», и я не могу ничего сделать с тем, чтобы это исправить. Тем временем Роа запускает пальцы в волосы и смотрит на меня с такой яростью, как будто я виновата во всем плохом, что происходит в этом мире.

— Набля твоего за ногу, Ятта! — рычит он. — Какого тебе понадобилось все усложнять?!

— Ты больной! — озвучиваю я, наконец. То ли это не вопрос, то ли приказ начинает ослабевать, я не знаю. — Ты...

— Ладно, — он смотрит мне в глаза. — Один раз у нас с тобой это уже сработало. Сработает и снова.

Что? О чем он сейчас говорит?

— Забудь все, что произошло на катке. Твоя память обо-

рвется на моменте, когда ты пришла в номер и легла спать. Когда ты проснешься, ты будешь помнить только Риа и спа, и будешь очень сильно хотеть меня, Ятта. Ты будешь хотеть только меня.

Мое сознание треснуло и раскололось. И я на миг вспомнила, что произошло, начиная от нашего с Роа разговора в загородной резиденции отца и заканчивая тем, что я устремилась за Вэйдом, когда была драконессой. И даже слова Роа, склоняющегося надо мной на берегу сразу после оборота:

— Забудь все, что было с той минуты, когда ты вошла ко мне в комнату, Ятта.

Это было как включить свет в комнате и обнаружить, что ты стоишь не в уютной гостиной пентхауса, а на краю бездны за мгновение до порыва ураганного ветра. Но длилось это секунды, потому что потом свет снова погас, и я упала в эту самую бездну и на руки Роа.

Роа

Ятта врезала ему из-за Гранхарсена.

Из-за этого убудочного Гранхарсена, который и раньше был ни на что не способен, кроме как трахать все, что шевелится, а сейчас в принципе не способен даже на это.

Но все-таки она шла к нему.

Поправочка: она к нему сбежала, никому ничего не сказав.

Сама только мысль об этом заставляла все внутри сжи-

маться от ярости, и пальцы снова начинало колоть, как будто в них вонзались раскаленные иглы. Так проявлялось черное пламя, готовое вырваться и разнести к наблам весь город.

Пламя, которое он мог подарить ей, Гранхарсен ей ничего не мог дать.

Но она выбирала его!

Раз за разом, и это сводило с ума.

Вот только Ятта — его, всегда была его, и он ни за что на свете от нее не откажется, ни за что на свете не отдаст ее никому. Если Гранхарсен не понимает по-хорошему, будет по-плохому.

— Что с лицом? — спросил отец.

Это он спросил первым делом, когда Роа пришел к ним в номер. Мама выглянула следом и ахнула.

— Роа!

— Ерунда, пара пластинок, и все заживет.

— Ты с кем-то подрался?!

— Мам, я пришел поговорить с отцом. Это срочно.

— Ты можешь говорить при матери, — отец захлопнул дверь, — так было всегда.

Да плевать.

— У нас проблемы с Вэйдом Гранхарсеном. Он достает Ятту.

— В смысле?

— В прямом. Он ее преследует. Я вам ничего не рассказывал о том, что произошло в прошлом... но когда закрути-

лась вся эта мерзкая история с Нисой...

Мама поморщилась: она до сих пор считала, что Ниса в этой истории пострадавшая сторона. Но сейчас ему было совершенно наплевать, что она там считает, Ниса солгала ему, залетела от него, хотела этим воспользоваться, чтобы разрушить все. Но точно так же, как в прошлом он не позволил это ей, он не позволит это и Гранхарсену.

— Так вот, он на нее запал. С тех пор он ее преследует, всячески достает, а я узнал об этом только недавно. На нашей помолвке. Ятта молчала, потому что он ее шантажировал. Тем, что раскроет всю правду о том, что произошло с Нисой, вытащит на свет все это дерьмо.

Отец нахмурился:

— Ты умудрился с ним подраться?

— Да, я хотел поговорить, точнее, я поехал с ними поговорить. Он обманом выманил ее из отеля, и я понятия не имею, чем все это закончилось бы, если бы я не заглянул к ней в номер и не стряс с Эльгарда ее местоположение.

— Как она? — Мама встревоженно посмотрела на него.

— У себя. Отдыхает. И не дергайте ее с этим, я хотел сам все решить, но он не оставил мне выбора. Он совершенно охеревший, как и его родители.

— Роа!

— Что? Скажете, Джерман Гроу-Гранхарсен и Танни Ладэ — образцовая семейка? Напомню: семья Ятты с ними не общается.

Мама нахмурилась.

— Так, все, — перебил отец. — Как вы втроем на это вы-
рулили?

— Ну вот так, сложности с Нисой, изворотливость Гран-
харсена и наивность Ятты. Он подмазывался к ней в про-
шлом, якобы чтобы помирить нас. А на деле...

— А на деле у нас дипломатический конфликт в перспек-
тиве, — хмыкнул отец.

— Бен, тебя только это волнует? — спросила мама.

Отец посмотрел на него в упор:

— Что конкретно ты предлагаешь?

— Я предлагаю запретить ему приближаться к Ятте, а еще
лучше — к нашему отелю. Пока мы здесь. Или забрать ее
отсюда как можно скорее, отдых вообще не в тему, особенно
когда происходит все это дерьмо с падением пламени.

Мама закусила губу, и отец легко приобнял ее за плечи.

— Что думаешь?

— Думаю, что надо поступать, как будет лучше для всех
нас. Возможно, имеет смысл набрать Гроу...

— И пожаловаться на его, через хвост драконий, сына? —
отец скептически приподнял бровь.

— Не стоит, — Роа покачал головой. — Давайте просто
уедем. Заберем Ятту, когда она станет моей женой, Гранхар-
сен к ней больше не полезет. Но даже если попытается, мы
всегда можем запретить ему въезд в страну.

— И получить тот самый дипломатический конфликт. —

Мама вывернулась из объятий отца: — Роа, как так вообще получилось? Вы же были лучшими друзьями...

— Так получилось, и я не хочу это обсуждать. Не хочу, чтобы это выходило за пределы семьи или куда-то еще. Сейчас нам достаточно просто увезти Ятту с собой, чтобы он не смог до нее добраться. И, я думаю, не стоит тянуть со свадьбой.

— Хорошо. Я подумаю, что можно сделать, — отец кивнул.

— Подумай, пожалуйста. И предупреди охрану. Она его заблокировала, так что он наверняка будет всеми силами пытаться с ней встретиться.

От родителей Роа направился напрямик к Риа. Сестра смотрела какой-то сопливый сериал, но он даже не стал вникать, какой именно. Тем более что она сразу же выключила визор, как только он прошел в номер. Риа едва взглянула на него и воскликнула:

— Вы подрались?! С Вэйдом?!

— Относительно.

— А Ятта?

— Все окей, — произнес он. — Ятта тут ни при чем. Это Гранхарсен. Он ее шантажировал.

— Чем?! — ахнула Риа.

— Их интрижкой, всем нашим грязным бельем, всей этой мерзостью. Он заставил ее к нему приехать.

— Наблец. — Сестра шагнула к нему. — Но в этом есть

и хорошие новости, правда? Она тебя не обманывала.

— Да, — Роа кивнул. — Она меня не обманывала.

— Роа! Я так за тебя рада, — Риа обняла его и прижалась щекой к груди. — Меня все это так перетряхнуло... я понятия не имела, что делать, когда ты ушел.

— Да я уж вижу, — он кивнул на коробку сладких жевательных конфет с разными вкусами. Почти пустую.

— Но наша Ятта — все-таки наша Ятта.

— Да, Ятта наша, — Роа отодвинул сестру, подхватил конфету из коробки и поморщился: она оказалась кислой. — Не говори родителям о том, что я тебе рассказал. Они могут не понять. Тем более что теперь все в прошлом.

— Хорошо. Не буду.

— И Ятте об этом тоже не напоминай, пожалуйста. Я и так мерзко себя чувствую, что не поверил ей.

— А я тебе говорила! — Риа ткнула его в плечо. — Ладно, прошлое в прошлом, ни слова больше о нем.

— Именно так, — вторая конфета оказалась вкуснее, и Роа выбрал все оставшиеся этого цвета. — О нем больше ни слова.

Вэйд

Голова раскалывалась и смутно напоминала колонку с ба-сами, в которую на полном ходу влетел флайс. В довершение всего, стоило векам дрогнуть, как в сознание ворвался голос матери:

— Вэйд Гранхарсен, твою мать!

— Самокритично, — поморщившись, произнес он.

— Самокритично! — Глаза матери сверкнули. — Ты как в Зингсприде оказался? А на катке? А с сотрясением?! Если бы тебя не нашла охрана...

Она глубоко вздохнула, а потом порывисто его обняла и так же порывисто отстранилась.

Каток.

Сотрясение...

Каток...

Ятта!

Сознание наконец выбросило в реальность так резко, что Вэйд сел на постели, игнорируя ругательства датчиков.

— Вэйд!

— Мама.

— Ты куда собрался? Тебе надо на обследование.

— Вы меня в капсулу восстановления не клали, что ли?

Ему сейчас было плевать и на капсулы, в которых исцеление происходит в разы быстрее, и на восстановление, последнее, что он помнил — это как Роа тащит Ятту за собой, а она сопротивляется. Он попытался его остановить, потом — вспышка черного пламени, удар, и... привет, сотрясение.

— Ты только что из нее! Поэтому тебе надо лежать. И новую коляску еще не доставили, той пришел наблец.

Вэйд потер подбородок, уколотив ладонь щетиной.

Какого набла?! Какого набла Роа тащил Ятту за собой как куклу? Судорожный вздох ворвался в легкие, принося за со-

бой воздух, наполненный легким ароматом духов матери.

— Мне нужно к Ятте.

— *Куда* тебе нужно?

— Не куда, а к кому.

— Только не говори, что эта девчонка причастна к тому, что с тобой случилось. — Мать на мгновение прикрыла глаза, а потом выплюнула: — Каток. Ну конечно. Что там произошло?

— Ничего такого, о чем ты сейчас подумала.

— А я еще ни о чем не подумала. — Она яростно сверкнула глазами, подтверждая теорию Вэйда о том, что подумала.

— Мам. Просто достань мне эту наблову коляску. Любую.

— Наблий хрен тебе, а не коляска, Вэйд, пока ты мне все не расскажешь.

— Твою мать!

Танни Гранхарсен раздула ноздри.

— За словами следи!

— Мне нужна коляска и флайс. Срочно.

— А мне успокоительное и объяснения. Я так понимаю, что мы в безвыходной ситуации: пока я не получу то, что надо мне, ты не получишь то, что надо тебе.

Вэйд зарычал, но увы, рычание сейчас ситуацию решить не могло. Если что-то и способно было сдвинуть его с мертвой точки, читай, с больничной койки, так это коляска, которую получить без помощи матери не представлялось возможным. А она уперлась без права на помилование. Это бы-

ло отцовское выражение и «клянусь яйцами, я знаю, что говорю» — тут было без вариантов.

— Я приехал, чтобы встретиться с Яттой.

Мать снова сверкнула глазами, но он предупредил:

— Ты сама просила правду. Теперь слушай.

— Подытожим, — сказала она, когда Вэйд закончил: — После всего, что с тобой случилось, ты пригласил ее на свидание, а Роархарн Вайдхэн вломил тебе, когда ты попытался удержать ее и не дать уйти вместе с ним?

— Ты упустила кое-что важное, — поморщился он. — Ятта не хотела с ним уходить.

— Да мне плевать на эту Ятту! — взорвалась мать. — Она тебя покалечила...

— Не она, — перебил Вэйд. — И мне не плевать. Для тебя это что-нибудь значит?

Танни Гранхарсен, уже собиравшаяся отпустить что-то в своем стиле, осеклась. Их взгляды скрестились, и в ее радужке полыхнуло пламя, подсвечивая ее глаза. Этот цвет Вэйд унаследовал от нее, он бывал и темно-фиолетовым, и сиреневым, а с помощью пламени вообще становился чуть ли не неоновым.

Следующее, что она сказала, спокойно можно было занести в список самых долгих ругательств Аронгары в одном предложении в единицу времени. Впрочем, в их семье это было нормально, поэтому Вэйд выждал пару секунд и добавил:

— Ты достанешь мне коляску?

— И что ты собираешься делать?

— Я пойду к ней.

— Вэйд, — мама произнесла это скорее устало, чем зло, — ты же понимаешь, что если бы ты был ей нужен, тебе не надо было бы никуда идти? Она бы сидела сейчас здесь, рядом с тобой, несмотря ни на что?

— Если только он не удерживает ее силой.

— Да чтоб их... — Она закатила глаза. — Ты знаешь, кто ее отец? Как такую, как она, можно удерживать силой?!

Вэйд понятия не имел, но он видел Ятту вчера. Чувствовал ее как самого себя. Ее страх, ее боль, ее радость, ее возбуждение, ее восторг и совершенно незамутненное счастье, когда она впервые за долгое время после перерыва вышла на каток. Она сияла, в ней было столько света, что никакое пламя с этим не сравнится. И она не хотела уходить. Она целовала его как в первый и последний раз.

Она бы не ушла.

Но слова матери заставили его задуматься.

Он видел, как Роа тащил Ятту за собой, как куклу. Видел, как она сопротивлялась. Но...

— Шантажом, — произнес он, опережая следующие слова матери. — Или приказом.

Танни Гранхарсен побледнела.

— Ты хоть понимаешь, насколько серьезные это обвинения? — хрипло спросила она. — Понимаешь, во что это вы-

лется, если ты окажешься не прав?

Еще бы он этого не понимал. Приказ, который иртвахан использует на человеке (Ятта иртваханесса без пламени, но она не может ответить или защититься, что, по сути, то же самое) — одно из самых серьезных преступлений. Вэйд не хотел думать, что он прав, точнее, еще вчера он бы вообще о таком не подумал, но вчера он увидел Вайдхэна без тормозов. Роа просто слетел с катушек.

— Он тащил ее как куклу, мам. Ему было плевать на то, что она не хочет с ним идти.

Мать обхватила себя руками и качнулась с носков на пятки.

— Вэйд...

Ей явно было не по себе, и он понимал, почему. В свое время, еще будучи человеком, она испытала на себе все прелести приказа. И чуть было не погибла, подчиняясь внушению иртваханессы. Отец, чтобы вывести на чистую воду девицу, которая это сделала, тоже отдал приказ человеку, свидетельнице на суде, и заработал таэрран на пять лет.

Сковывающий магию иртвахана узор-ошейник, который в каком-то смысле является символом позора и приговора, который видит каждый.

— Я возьму всю ответственность на себя, — произнес он. — Если я ошибаюсь, я готов понести любое наказание. Но я должен проверить. Потому что если я прав, я должен его остановить. Я должен спасти Ятту. Мам!

Ему пришлось повысить голос, чтобы выдернуть ее из собственных мыслей.

— Просто достань мне коляску.

Танни Гранхарсен помедлила, но кивнула.

— Сейчас попробуем что-нибудь придумать. Только, Вэйд... — она нахмурилась. — Будь осторожен.

Глава 2

Ятта

Я проснулась со странным ощущением, которое никак не могла себе объяснить. Вчера я пришла в номер после СПА, легла спать... и проспала двенадцать часов, судя по тому, что солнце только-только поднималось над Зинсгпридом. Правда, здесь оно делало это моментально, не то что в моем родном Хайрмарге, но...

В ванной комнате что-то бряцнуло, и я подскочила. Чудом не свалившись с кровати, потому что вчера, когда я засыпала, в моей комнате точно никого не было.

Да и кто здесь вообще мог оказаться?

— Ух. Уже проснулась? Привет, — Роа вышел из ванной, вытирая подбородок полотенцем: он явно только что брился.

— Ты... ты что здесь делаешь?

— Пришел к своей невесте. А что, нельзя?

— Когда я спала?!

— Думал пригласить тебя на ужин, но не стал будить. В итоге я ужинал в твоём номере, а потом засыпал рядом с тобой. Ты даже не представляешь, какой это кайф засыпать рядом с тобой. — Роа опустился на кровать с моей стороны.

Он не только брился, он еще и душ принял: обернутое вокруг бедер полотенце было единственной его одеждой. И я, как мне казалось, должна была испытывать неловкость, но

вместо этого испытала бегущий по телу жар. Мне до ужаса захотелось к нему прикоснуться, провести кончиками пальцев по груди, повторяя движение капель по коже.

— Я... гм... Я сейчас вернусь.

Проворно перекатившись на другую сторону кровати, я вскочила и убежала в ванную, из которой он только что вышел. Кондиционеры здесь всегда работали на полную, поэтому кожа мгновенно покрылась мурашками, несмотря на остывающую запотевшую душевую кабину.

Я почему-то представила, что мы принимаем душ вместе с Роа, и...

Ох.

О-ох...

Что вообще происходит?! Почему я проснулась как будто спала не двенадцать часов, а двенадцать дней? И почему я такая возбужденная? Мне казалось, что у меня горит каждая клеточка тела, и каждая из этих клеточек настойчиво требовала прикосновений Роа.

Такое ощущение, что я вчера не в СПА ходила, а на откровенное шоу.

И... погодите, я же собиралась встретиться с Вэйдом. Я именно за этим приехала в Аронгару.

Я все-таки быстро приняла душ, почистила зубы, а когда вышла, обнаружила, что в номер уже доставили завтрак. Роа как раз расставлял его на столике у дивана.

— Если бы ты спала чуть подольше, это был бы завтрак

в постель.

— Роа, что происходит?!

— А что происходит? Мне кажется, нам с тобой именно этого всегда не хватало, Ятта. Настоящих свиданий. Настоящей близости. Скажешь, это не так?

Сказать, что это не так, я не могла, но в моем сознании все равно творилось что-то странное. Как будто... как будто что? Я не могла понять. Но это было странно.

Я проверила смартфон, как будто надеялась найти ответ там, но там не было никаких ответов. И ни одного нового сообщения от Вэйда, в последний раз мы с ним общались, когда я была в Мериуже.

Вздохнув, я отложила его и плотнее задернула полы халата, как будто это могло меня защитить от взглядов Роа. От его близости. От того, что я сейчас к нему чувствовала... это странное, диковатое притяжение, которого раньше определенно не было. По крайней мере, оно не было таким, животным, сводящим с ума, настойчиво тянущим в его объятия. К нему. Под него.

Я поморщилась и потерла виски, усаживаясь на диван. Отказываться от завтрака с ним было бы еще более странно, чем набрасываться на него.

— Ты не мог бы... не делать так больше?

— Не делать как? — Роа нахмурился.

— Не приходите, когда я сплю. Это все-таки моя территория. Мой номер. И это выглядит... жутковато.

— Жутковато, когда жених приходит к своей невесте?

— Роа, нормально, что ты хочешь проводить со мной время. Ненормально то, что ты не спрашиваешь об этом меня.

В его глазах мелькнули искры черного пламени. Мелькнули — и погасли.

— Хорошо, я не буду. Но если хочешь мое мнение, Ятта, нам давно пора перестать играть в хорошего мальчика и хорошую девочку. Нам надо начинать останавливаться в одном номере. Проводить больше времени вместе. Скоро наша свадьба, ты и после нее будешь от меня шарахаться?

— Я не шарахаюсь.

— И не надо. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Я хочу, чтобы наш брак был не просто договорной идеей наших родителей, но и нашей с тобой идеей. Чтобы мы с тобой наконец осознали, что мы — взрослые, и это наш с тобой выбор.

А это так?

Я не стала озвучивать этот вопрос, просто кивнула. Роа опустил рядом со мной на диван и налил мне кофе. Одеваться он не спешил, и от жара его тела рядом меня просто накрывало, даже несмотря на одуряющие ароматы выпечки и деликатесов, которые нам доставили в номер.

— Наконец-то погода наладилась, — сказала я, когда Роа протянул мне тарталетку. — Сегодня хотя бы можно будет нормально выйти.

За окном действительно светило солнце, обещающее привычную Зингспридскую: жара плюс влажность, и единствен-

ное стремление — искупаться в океане и забежать обратно под тент.

— Хм, — произнес он.

— Хм?

— Отец сказал, что нам лучше уехать. Из-за пламени. Из-за этого всего.

— Как... но... мы же только что приехали?

— И мы можем вернуться в любой момент, но там опять какие-то сложности. Все не так просто, как тебе хотелось бы, Ятта.

— Как *мне* хотелось бы?!

— И мне тоже. Я бы с удовольствием провел этот отпуск с тобой подальше ото всех. Но... — Он замолчал, глядя на меня, а потом подался вперед раньше, чем я успела отпрянуть. — У тебя здесь взбитые сливки.

Его палец с нажимом скользнул по моим губам — от одного уголка к другому, и меня словно бросили в костер, в неразбавленное жидкое пламя, которое хлынуло в меня сквозь кожу, сквозь каждую пору. И его глубокий поцелуй стал как кислород, которого мне в этом пламени не хватало. И пламя взметнулось внутри и снаружи меня до небес.

Вэйд

— Я хочу видеть Бенгарна Вайдхэна, — повторил Вэйд, в упор глядя на эсбэшников отца Роа. — И лучше вам доложить ему обо мне сразу.

В отель его, разумеется, не пустить не могли. Но, стоило

ему попытаться связаться с Яттой (попросить девушку-администратора ее набрать, потому что его сообщения как и звонки улетали в блок), как на ресепшен тут же подтянулись парни два на два. Сразу четверо, как будто он мог навалить хотя бы одному.

Последняя мысль заставила до хруста сжать пальцы на подлокотниках временной коляски. Она была больничная, выносить ее из больницы было нельзя, но Танни Гранхарсен умела вынести всех так, что ей разрешали вынести все что угодно. Она хотела поехать с ним, но это Вэйд пресек решительно и без малейших колебаний.

— Мне хватает того, что полмира смотрит на меня с жалостью. Давай не будем усугублять положение мамой с дубиной за моей спиной.

Мать издала странный звук.

— У меня нет дубины.

— Она у тебя ментальная. Считывается по глазам.

— Я не против оторвать яйца Вайдхэну-младшему, если ты прав.

— Спасибо, но предоставь это мне.

У него и правда чесались руки набить Роа морду (мягко выражаясь). К сожалению, сейчас это не представлялось возможным.

— Мы просим вас уйти по-хорошему, — выступил вперед один из СБ, очевидно, главный.

— Я вас тоже прошу по-хорошему. Пока. Устройте мне

встречу с Вайдхэном, и как можно скорее. Чем дольше мы тут торчим, тем больше интереса вызываем. У всех. Вы же этого не хотите, правда?

На них и правда уже смотрели. Конечно, не работники отеля, те профессионально делали вид, что ничего не происходит, но парень в коляске и четыре недипломатично настроенных шкафа в принципе привлекают внимание. А уж если ты...

— Вэйд Гранхарсен! — донеслось слева. — Это же Вэйдгрейн Гранхарсен!

И это, похоже, стало решающим. Потому что тот, кто просил его уйти по-хорошему, сейчас отошел в сторону и коснулся гарнитуры.

— Вэйд! Вэйд, можно сделать с тобой фотку? — К нему подлетела эффектно одетая девица на таких высоченных шпильках, что ее проворству удавалось только позавидовать.

— Нельзя.

Она, похоже, такого не ожидала, потому что глаза ее широко распахнулись, а в следующий момент вернулся главный по безопасности. Сначала он кивнул своим подчиненным, и девицу оттеснили, затем что-то сказал одному из администраторов, а после зашагал через холл в сторону лифтов. Теперь на них пялились уже откровенно, но Вэиду было плевать. Главное, что сотрудники службы безопасности больше не пытались выкинуть его из отеля. Главное, что ему удалось добиться этой встречи.

В несколько неуютном сопровождении он проследовал к лифтам, чтобы подняться на один из последних этажей. Как выяснилось, в ВИП-конференц-зал. Огромный и пустой, с панорамными окнами, экраном для демонстрации презентаций, он встретил его тишиной и прохладой кондиционера.

До тех пор, пока он не услышал шаги в коридоре.

— Оставьте нас, — голос Бенгарна Вайдхэна звенел холодом, как будто он переобщался с Ландерстергами.

Негромкий шорох закрывшейся двери — и они действительно остались наедине.

— Чего ты добиваешься, Гранхарсен? — без предисловий спросил он. — Скандалы — это привычное дело для вашей семьи, но я предполагал, что твои родители все-таки объяснили тебе, где начинается грань, которую не стоит переступать.

— Вы же своему сыну не объяснили. — Вэйд подавил желание снова сдавить подлокотники до боли. Руки на этой наблячье перевозке девать было некуда. — Роа отдал Ятте приказ.

Вайдхэн не изменился в лице, но сила черного пламени плеснула по залу, заполняя его собой. Оставалось надеяться, что двумя этажами ниже и выше никто случайно не блеванул от такой ее концентрации.

— Рассчитываешь на свою травму? — обманчиво-спокойно поинтересовался отец Роа. — Считаешь, что теперь тебе позволено все? Что все будут носиться с тобой? Так вот,

Вэйд, ты ошибаешься. Ты пытаешься влезть в мою семью и навредить тем, кто мне дорог. Твои обвинения...

— Я могу это доказать.

Проблема заключалась в том, что доказать это крайне сложно. Но сейчас, складывая два и два, Вэйд все больше убеждался в правильности своего предположения. Во-первых, Ятте незачем было его блокировать. Она могла просто его послать, и это было гораздо больше в ее характере, чем добавлять его номер в черный список. Во-вторых, Ятта не бросила бы его, в этом мать была права. Точнее, Танни сказала, что она была бы с ним, если бы он был ей важен, но он был ей важен. И даже если бы она продолжала его ненавидеть, она не сбежала бы, оставив его валяться ничком на льду, без сознания, рискующим получить вдобавок ко всему еще и переохлаждение, и местное обморожение. Ятту можно было считать какой угодно, но подлости и трусости в ней не было никогда.

На мгновение ему показалось, что он ошибся. Что Вайдхэн просто выкинет его сейчас за дверь (если не в окно), потому что черного пламени стало больше. Оно даже плеснуло в радужку правящего Раграном, в его и без того темные глаза, которые сейчас превратились в сузившиеся колодцы бездны.

Сказать по правде, Вэйд бы и сам в это не поверил. До прошлого вечера. Когда Роа окончательно слетел с катушек, и драконы знают, на что он вообще был способен.

Но при этом он оставался сыном Бенгарна Вайдхэна, ко-

торого, надо отдать ему должное, даже многие сильные иртышане боялись до ссыкоты.

Потому что сын всегда остается сыном. Вэйд сам вызвёрился бы на того, кто посмел сказать такое о любом из его семьи. Но...

— Я тебя уничтожу, — произнес Вайдхэн, и даже сквозь его сжатый кулак полетели черные искры.

«Самое время наложить кирпичей», — как сказала бы Герта.

— Я могу доказать, — повторил он, в упор глядя в черные бездны. — Расспросите свою службу безопасности о том, что было вчера, а потом спросите о том же Роа.

Ятта

Из этого наваждения нас выдернула вибрация: смартфон Роа, заряжающийся на настенной панели, зажужжал, и я отпрянула.

— Да чтоб тебя... — Роа нахмурился, а я, получившая передышку от этого непонятного мне дикого наваждения, кивнула.

— Это твой.

— Да наблы с ним...

— Это твой отец.

Роа нахмурился, но перевел взгляд на продолжающий вибрировать смартфон, после чего выругался и поднялся.

— Да, — зло произнес он, отходя к окну. Его «да» прозвучало настолько агрессивно, что на мгновение показалось, он

сейчас откроет ведущие на балкон створки и швырнет смартфон вниз. Вместо этого Роа обернулся ко мне, и в глазах его на мгновение мелькнуло... я так и не поняла, что это было, но меня обожгло странным чувством опасности.

— Нет, — произнес он. — Нет. Я сказал: нет! Сейчас приду.

— Что-то случилось?

Роа взъерошил волосы и раздул ноздри.

— Ничего такого.

— Ничего? Ты выглядишь взволнованным.

Хотя взволнованным — это не то слово. Скорее уж злым, раздраженным, готовым на все.

— Я сказал: ничего страшного, Ятта. Отдыхай, завтракай, я скоро вернусь.

Оделся он в считанные секунды и вылетел из номера, хлопнув дверью, прежде чем я успела его еще о чем-то спросить. Оставив меня в недоумении и со странным необъяснимым чувством тревоги, поднимающимся из самой глубины моего существа. Еще более странным, чем это дикое влечение, с которым я проснулась.

Подумав немного, я переоделась и вышла из номера, разумеется, мгновенно наткнувшись на охрану.

— Проводите меня к моему жениху, — сказала я.

— Риамер Вайдхэн сейчас беседует со своим отцом.

— Я бы хотела присоединиться к их беседе.

Это было странно и совершенно для меня нетипично, я

знала, что такое личное пространство, уважала его, но сегодня, сейчас меня словно что-то или кто-то толкал в спину. Как будто я действительно немного сошла с ума. Впрочем, не исключено, я уже не до конца владею своими чувствами и желаниями, что это еще, если не сумасшествие?

Вальцгарды переглянулись.

— Риам Ландерстерг... — Они называли меня как принято в Рагране, я уже привыкла, но почему-то именно сейчас меня просто передернуло с этой ставшей уже обыденной приставки к моему имени. — Риамер Вайдхэн попросил никого к вам не пускать...

— И меня не выпускать? — Я вскинула брови. — Я что, заключенная?

Ощущение странностей только усилилось. Особенно когда вальцгарды не нашлись с ответом. Ни один из них.

— Проводите меня к ним, — повторила я. — Немедленно. Или мне позвонить риамеру Вайдхэну и сказать, что вы уклоняетесь от своих обязанностей?

Не представляю, что на меня нашло. Я никогда не была стервой (ну то есть по мнению многих была, и еще какой), но мне казалось, что нет. Я общалась с подчиненными отца и Вайдхэнов на равных, никогда ни на ком не срывала свое настроение, умела контролировать эмоции, которые сейчас будто закипели внутри меня. Как какой-то зажигательный коктейль, который грозил выйти из берегов, обжечь меня, всех окружающих и спалить все дотла.

— Хорошо, — кивнул один из вальцгардов. — Хорошо, мы вас проводим.

— Благодарю.

Лифт подкинул меня на этаж, где располагались всякие конференц-залы и прочие деловые прелести жизни. На сколько я знала, здесь можно было арендовать кабинет с роскошным видом на Мэйстон и работать, если, например, ты приехал с шумной семьей, и маленькие дети не дают сосредоточиться.

Перед матовыми дверями в конференц-зал моя охрана остановилась, и, перекинувшись несколькими словами со своими застывшими извинениями коллегами, один из них мне кивнул. Я постучала, и за дверью все стихло. Хотя до этого я слышала, как кто-то разговаривает, но акустика здесь была такая, что подслушать что бы то ни было просто не представлялось возможным.

— Я же ясно сказал: не беспокоить. — Голосом Бенгарна Вайдхэна можно было убивать. Мое появление его не только не смягчило, я бы сказала, сделало его лицо каменным. — Ятта. Проходи.

— Что? Ятта?! Какого набла?! — Голос Роа ворвался в мое сознание, но Бенгарн уже отступил, и я шагнула внутрь.

Мой взгляд наткнулся на Вэйда Гранхарсена, и я замерла. А потом наши взгляды встретились, и меня словно молнией прошило. Перетряхнуло от макушки до кончиков пальцев ног.

Помимо него здесь еще была вчерашняя смена вальцгардов, и я перевела взгляд на отца Роа:

— Что здесь происходит?

— Ятта, тебе здесь делать нечего... — начал было Роа, но отец его перебил:

— Пусть остается. Расскажи, что ты помнишь о вчерашнем дне, Ятта?

— Да не может она ничего о нем помнить, я же сказал! — зарычал Роа. — Мне такое даже в голову не приходило, но после сегодняшнего утра и его обвинений я все понял. Он что-то сделал с ней в ночь, когда она обернулась. Он отдал ей какой-то отложенный приказ!

Глава 3

Ятта

Это все напоминает какой-то бред. Какую-то немыслимую чушь, обрушившуюся на меня с силой урагана, еще совсем недавно бушевавшего над Зингспридом.

Я вижу шок в глазах Вэйда, ярость в глазах Роа, только стремительно темнеющий взгляд его отца засасывает меня как бездна. Его силу я чувствую особенно остро, хотя здесь смешалось столько черного пламени и эмоций, что я уже не различаю, где чьи. А еще они на меня давят: мне бы к этому привыкнуть, но я все никак не могу. С самого детства, когда мне объясняли, почему я так остро чувствую пламя, и почему оно действует на меня, как на человека.

— Ятта, садись, — Бенгарн отодвигает для меня стул за длинным столом, и я автоматически опускаюсь на предложенное мне место.

Сейчас мои глаза оказываются на уровне с глазами Вэйда, и у меня в голове снова все перемешивается. То ли поэтому, то ли почему-то еще я не могу вытолкнуть из себя ни слова.

Приказы действуют на меня в точности так же, как и пламя, как на людей. Приказы иртхана, которые запрещено применять на людях. Там есть исключения, но их ничтожно мало, и все они так или иначе связаны с угрозами жизни. Но все эти законы сейчас не имеют никакого значения, потому

что калейдоскоп сменяющихся во мне эмоций грозит свести меня с ума.

— Отец, ты серьезно? — цедит Роа. — Ей не стоит здесь находиться!

— Ятта. — Голос Вэйда ударяет в меня, и я снова смотрю ему в глаза. — Ты как?

«Отложенный приказ»... — эхом звучат в голове слова Роа.

Отложенные приказы — самые сложные, потому что они требуют не моментального исполнения, а исполнения в течение определенного промежутка времени. И все то время, что они работают, в твоих мозгах перекраиваются нейронные связи, перестраиваются цепочки мыслей, корректируя твоё поведение так, чтобы ты могла выполнить то, что тебе приказали.

Они же самые опасные. Для психики. Для сознания.

Я не верю в то, что Вэйд мог сделать это со мной. У него много недостатков, но...

— Ятта, — повторяет Бен, глядя на меня, — что ты помнишь?

— Я помню, как была с Риа в СПА, а потом вернулась и легла спать.

— Я не понимаю, — цедит Роа. — Какого набла мы все это делаем? Почему этот драконий хер до сих пор не арестован?!

— Ты имеешь в виду себя? — вворачивает Вэйд. Но вворачивает с таким непробиваемым спокойствием, что я ему

даже в каком-то смысле завидую. В этом дичайшем бреду, который сейчас кажется не то стремным сном, не то ожившим кошмаром, я вообще не понимаю, что происходит, и во что верить.

Сейчас черное пламя уже улеглось, и аккуратно с таким же спокойствием на меня смотрит Бен. Но я понимаю, что в первом, что во втором случае, спокойствием там и не пахнет. Это просто первый навык, который вбивается в иртеханов с детства: умение контролировать свои эмоции, свои чувства и свое пламя, что бы ни случилось. Потому что если этого нет, тебе не только к драконам нельзя соваться, но и просто в люди выходить.

— Роа, повтори то, что вчера рассказывал ты.

Роа смотрит на отца с такой яростью, какой я в нем в принципе не видела.

— Спасибо за доверие, пап. Я уже говорил: я забрал Ятту с катка после того, как он ее шантажировал, и привез сюда.

— Ятта, он лжет. Я не шантажировал тебя, я не отдавал тебе приказов, — взгляд Вэйда скользит по мне, и мне не остается ничего другого, кроме как снова встретиться с ним. В его глазах просто какой-то космос и искры пламени. Пламя в космосе, что в принципе невозможно. — Ты не хотела уходить, он уводил тебя силой. После того, как...

— После того, как я уложил тебя за все, что ты с ней сделал?! — Роа шагает к нему, но натывается на выставленную вперед руку отца.

— Ятта. Ты точно ничего больше не помнишь? — Бен смотрит на меня в упор.

— Почему ты мне ничего не сказал утром?! — Я перевожу взгляд на Роа.

— А что я должен был сказать? Я понял, что ты не хочешь об этом говорить, хочешь забыть все как страшный сон!

Это полная дичь. И кошмар.

Потому что из моей жизни, из моей памяти второй раз вырвали клоч, и от этого я чувствую себя неполноценной. Еще более неполноценной, чем временами чувствовала себя из-за отсутствия пламени. Эта фишечка — радость исключительно черных глубоководных, только у них самки обретают пламя вместе с парой. Остальные иртеханессы живут себе вполне долго и счастливо, и с пламенем. Но мне по жизни везет.

Но страшнее всего то самое допущение, о котором я стараюсь не думать.

О том, что Вэйд мог сделать это со мной.

Заставить меня что-то забыть. Отдать мне какой-то приказ...

Нет.

Нет.

Нет!

— Я отлично помню ту ночь, — снова говорю я, поворачиваясь к Бену. — Ночь после помолвки. Вэйд не мог ничего сделать тогда...

— Значит, он сделал это вчера. Зная о том, что у нее уже был провал в памяти после оборота...

— Вайдхэн, у тебя есть что-то ценное, кроме твоего трещащего по швам эго?! — рычит Вэйд. — Ей нужна помощь!

— Если ей и нужна помощь, то только защита от тебя!

— Хватит, — произносит Бен.

В его голосе даже нет рычащих ноток, но сила, сквозящая в нем, обрывает все возражения.

— Я звоню Халлорану. И Ландерстергу.

— Seriously?! — снова вскидывается Роа.

— Seriously, все более чем seriously. И если ты до сих пор не понимаешь насколько, у меня большие вопросы к твоим знаниям, Роа. Если Ятте действительно отдали приказ, это серьезное вмешательство в ее сознание, которое может привести к крайне плачевным последствиям. Это уже не наше семейное дело. Это дело страны, на территории которой это произошло, и дело Торна и Лауры, поскольку это напрямую касается их дочери.

— Ятта, — произносит Вэйд. — Я тебя люблю.

И это ударяет в меня посильнее всего остального вместе взятого.

— Он не мог этого сделать, — говорю я с такой же уверенностью, с какой знаю, что я — Ятта Хеллирия Ландерстерг. Кажется, только это я сейчас и знаю, а еще — что Вэйд никогда не причинит мне вреда. — Ему незачем.

Бен вопросительно приподнимает бровь, и я продолжаю:

— Мы переписывались еще в Рагране. Я хотела попасть в Аронгару, чтобы встретиться с ним. Я не знаю, что произошло вчера, но я знаю, что вчера точно не произошло. Вэйд не мог этого сделать.

Лицо Роа становится просто зверским, я это вижу мельком, когда перевожу взгляд на Вэйда. А вот он... он смотрит на меня так, как будто не может поверить в то, что я сказала. В свете всего произошедшего я и не должна, но я только что передо всеми призналась в том, что собиралась с ним встретиться. Наверное, все это не имело бы смысла, если бы я считала иначе. Если бы я хотя бы на минуточку, на долю секунды усомнилась в том, что он может причинить мне вред.

— Ятта, тебе лучше вернуться к себе, — холодно произносит Бен.

Он по-прежнему «спокоен», но я только что сказала, что планировала встречу с другим мужчиной перед свадьбой с его сыном. Теперь холод в его голосе адресован не только происходящему, но и мне, и я не могу его обвинять. Хотя от этого мне физически больно. Потому что...

Потому что я много времени проводила с Вайдхэнами, когда была ребенком.

Потому что Бен был для меня как второй отец.

И сейчас в его разочаровании я слышу разочарование и своего отца тоже.

А это больно.

Но поступить по-другому — значит, предать себя.

— Ятта, — одними губами произносит Вэйд, но я уже вскакиваю и бегу прочь из этой переговорной. Внутри все горит от боли, от невыплаканных слез, от того, что я не понимаю, что происходит, и не понимаю себя.

Вэйд кинул меня тогда, в прошлом, но я все равно не смогла выжечь из себя это чувство. Ни фервернским льдом, ни черным пламенем после близости с Роа. Ничем. Оно не выжигалось ничем, и все это сейчас обрушивается на меня с силой урагана, шторма, я напоминаю себе оголенный провод, вырвавшийся из рук электрика. Меня шатает из стороны в сторону, внутри искрит, высокое напряжение бьется в висках, готовое вот-вот полыхнуть пламенем и спалить все к наблам.

Зачем я все это затеяла?

Потому что не могла иначе.

Тихий голос внутри принадлежит мне. Это не родительские голоса, говорящие мне о том, что для меня важно и что ценно. Это не укор, не упрек, это не оправдание.

Это простая констатация факта.

Вальцагрд придерживает мне двери лифта, как будто они захлопнутся подобно пасти дракона и откусят мне голову. Прислонившись к поручню перед зеркалом, я стараюсь глубоко дышать и концентрироваться не на эмоциях, а на реальности, как меня учил отец, но не выходит.

Из моей памяти вырван клочок...

Снова.

А я не понимаю, как это произошло. Не помню.

Что вчера было? Что...

— Вызывай врача, — едва различимым шепотом произносит один вальцгард другому.

— Не надо врача! — огрызаюсь я.

— Риам Ландерстерг, вы побелели...

— У меня все хорошо!

Истеричкой я еще не была. Кем угодно, только не истеричкой. Но сейчас, когда я представляю, что рядом со мной трется врач, задает вопросы о моем самочувствии и все такое прочее, мне хочется кричать.

Влетев в своей номер, я первым делом хватаю смартфон.

Как я могла видеться с Вэйдом? Как?! Если нет ни одного сообщения от него. Если...

Я включаю карты и нахожу отметки геолокации. А также историю присланных мне точек, среди которых последняя — Малый ледовый центр Зингсприда. Видимо, Вэйд отправил мне его вместе с каким-то сообщением, но с каким именно, я понятия не имею. Его моя память «сожрала» вместе со всем остальным. Но то, что я там была, подтверждает и приложение заказа флайсов: мой вчерашний маршрут начинается в отеле и заканчивается именно там.

Смартфон оживает в моей руке: это звонит мама.

— Ятта! — Ее голос звенит напряжением и волнением. — Ятта, как ты? Мы уже собираемся.

У меня настолько путаются мысли, что я вообще не могу

вспомнить, какое сейчас время в Хайрмарге. Мой организм уже перестроился на жизнь на другом континенте, но к такому жизнь его не готовила.

— Все в порядке, мам, — устало говорю я. — Давайте не будем делать из этого драму, пожалуйста.

— Все в порядке?! Все в порядке? Этот ублюдочный Гранхарсен влез к тебе в мозги!

— Да не влезал он!

— Конечно, именно поэтому ты сейчас думаешь именно так.

— Мам!

— Мы скоро будем, Ятта. Телепорт уже готовят.

— Мама, это неправда! Вэйд тут ни при чем...

— До встречи.

Вызов обрывается, и я, не сдержавшись, швыряю смартфон через всю комнату. Он ударяется о стену и с треском падает на пол. Не знаю, выжил он или нет, но, подобно тому, как меня кидало из одного чувства в другое в лифте и коридорах, сейчас вместо того чтобы сидеть в номере, я хочу посидеть где-нибудь, где многолюдно.

Мне кажется, это поможет мне сосредоточиться и взять себя в руки, потому что именно на людях я всегда отлично справлялась с эмоциями. Это прошито в моих базовых настройках по умолчанию.

— Мне нужно в бар. Я хочу посидеть где-нибудь, — говорю вальцгардам.

— У нас приказ...

— Мне плевать на ваш приказ, — я складываю руки на груди. — Я буду орать так, что сюда сбежится весь персонал.

Вальцгарды в шоке. Они не могут представить меня не то что орущей, но хотя бы повышающей голос в присутствии посторонних. Не говоря уже о том, что я их этим шантажирую.

В итоге мы оказываемся в баре на первом этаже. Это обычный бар в лобби дорогого отеля, где проводятся «встречи на бегу», и я сажусь за первый же свободный столик, заказываю кофе. Но, раньше чем официант успевает подойти, ко мне на полном ходу подлетает Риа.

Я знаю ее столько... чуть меньше, чем себя, но я никогда не видела ее такой.

Это последнее, что я успеваю подумать, потому что Риа хватает стакан с водой и выплескивает мне в лицо.

— Как ты могла?! — кричит она. — Как ты могла так поступить с моим братом?! А с нами?! Мы все тебе верили, Ятта!

Фервернский стыд.

Это первое, что приходит мне в голову, а следом — дикое желание окатить Риа в ответ. Потому что я ей — *лично ей* — ничего плохого не сделала. И даже если я могу понять ее чувства по поводу брата, это еще не значит, что моими чувствами могут подтираться все, кому не лень.

— Это тебе в голову пришло до того, как твой брат мне из-

менил, или после?! — выплеваю я, и понимаю, что эта отрава до сих пор разъедала меня изнутри.

С какой радости я решила, что должна просто его простить? Что я могу? Чтобы что? Чтобы забыть Вэйда?! Да я сейчас ничем не лучше Роа, который трахал Нису, и Вэйда, который от меня отказался, потому что я сама от себя отказалась! Я сама от себя отказывалась все эти годы. Я сама себя предавала!

Так чего я, спрашивается, ждала от других?!

На нас не просто смотрят, на нас все откровенно пялятся, вальцгарды, кажется, уже не выходят из шока, потому что в дополнение к Риа невесть откуда выскакивает папарацци, делающие снимки обтекающей меня и ее — с открытым ртом, придумывающей, что бы такого сказать.

Тут уже подключается охрана отеля, но папарацци удирает с такой скоростью, что охранникам не позавидуешь, а я поднимаюсь из-за стола и говорю:

— Если тебе нужна девочка для битья, Риярна Вайдхэн, это не ко мне.

Риа такого явно не ожидала, потому что выпаливает:

— Ларрка! — и убегает раньше, чем я могла бы ей что-то ответить.

Но мне ей больше ответить нечего, а из холла доносится какой-то шум, вой и вопли. Я выглядываю из-за колонны и вижу папарацци, распластавшегося на полу.

— У меня перелом! — орет он, когда охранник пытается

завести руки ему за спину. — Не трогайте! Я вас всех засужу! А ее в первую очередь!

— Она ему подножку поставила, — сообщает один охранник другому и кивает на невысокую темноволосую женщину, в которой я с легкостью узнаю Танну Гранхарсен-Ладэ. Мать Вэйда.

Она замечает меня, я замечаю ее. Кажется, разговора не избежать, да я и не планировала.

— Эсстерда... — начинает было охранник, но она перебивает его коротким:

— Местра. — А потом направляется ко мне. — Поговорим?

— Если не планируете меня ничем обливать.

Мне бы вернуться в номер, переодеться и посушить волосы, но для этого нужно проделать все те же манипуляции, что я уже проделала, а у меня больше нет сил. Моральных. Уверена, у вальцгардов они тоже уже на исходе, и если я сейчас снова окажусь в своем номере, они сломают замок и потеряют ключ, а летать я, увы, не умею. Пока.

С наибольшей вероятностью, уже и не научусь.

— В ближайших планах такого не было, — сообщила мать Вэйда, и я кивнула ей на соседнее кресло:

— Тогда прошу.

— Мой сын полетел сюда достаточно давно, и я не то чтобы хочу чтобы его считали недееспособным, или меня долбанутой мамашей, но в данный момент я именно долбанутая

мамаша, которая очешуеть как волнуется.

— Он наверху, — кивнула я, понизив голос.

Подслушать нас вряд ли могли: папарацци поехал в больницу, между столиками было приличное расстояние, а вальцгарды приблизились ровно настолько, чтобы загородить нас от посторонних взглядов и не дать еще раз сфотографировать даже на любительский смартфон.

— Так, а ты какого набла тогда здесь?

— Простите?

— Дракону хрен подрастите. Он ради тебя поехал к Бенгарну Вайдхэну сообщить, что его сын влез к тебе в мозги. На это нужны яйца размером с планету, а ты сидишь тут и страдаешь. Вместо того, чтобы быть там, рядом с ним.

— Чтобы — что?

Мне казалось, что все что могло, со мной уже случилось. Но то, что она говорила...

— Вэйд обвинил Роа в том, что он мне отдал приказ?

— А ты как думаешь, что с тобой вообще произошло? Почему ты думаешь одно, а делаешь другое?

— Откуда вы...

— Вэйд рассказал мне, что было вчера. И он уверен, что ты сбежала, потому что тебя заставили. После того, как этот ублюдочный Вайдхэн чуть его не прикончил.

— Стойте. Постойте. — У меня вообще ничего в голове не укладывается. — То есть как — чуть не прикончил?

— Он пытался его остановить, — теперь я знаю, от кого

Вэйд унаследовал свой фирменный прищур. — Твоего Роа. Не позволить тебя увести. А потом его нашли без сознания на катке, где ты вчера танцевала. Его в одной стороне, коляску в другой.

Она всматривается в меня, как будто пытается понять, правда ли то, что сказал Вэйд — про приказ, или я просто сбежала и бросила ее сына на льду. Но для меня в этот момент все становится ясно.

Я устала удивляться.

Я устала поражаться. Или как еще назвать то, что с каждым новым вскрывшимся фактом моей жизни меня словно вскрывает изнутри?

Я бы не ушла после такого.

Я бы не ушла, даже если бы это был совершенно незнакомый мне человек или ир்தхан, не говоря уже о Вэйде.

Но если я ушла, правда, увы, всего лишь одна. И она та, о которой говорит Танна Гранхарсен.

Роа использовал на мне приказ. Он *заставил* меня уйти.

Что еще он *заставил* меня сделать? И сколько раз?

Для меня узнать такое про Роа все равно что с разбегу упасть в пламя. Да, между нами не было серьезного притяжения (не считая сегодняшнего утра). Да, я не испытывала к нему чувств, от которых сносит крышу, которые лишают сна, которые обрушиваются то льдом, то пламенем, но...

Риа в чем-то права. Он был мне как брат.

Мы выросли вместе.

Мы играли вместе.

Мы вместе засыпали на диване у Вайдхэнов и на нашем диване. Вместе открывали зимние подарки. Он подарил мне Дири...

Он не просто мне лгал, не просто меня использовал. Он обвинил Вэйда в том, что делал сам. Я думала, что знаю его как себя, но я совсем его не знала.

На что он еще способен?

— Секунду, — говорит мать Вэйда, когда я открываю рот, чтобы расспросить ее о том, что произошло вчера. Она подносит трубку к уху и говорит: — Да, Леона. Да. Что?!

Ее взгляд снова фиксируется на мне, как будто я являюсь средоточием всех бед этого мира.

— Хорошо. Жду вас, — заканчивает она и смотрит на меня в упор.

— Что происходит? — спрашиваю я.

По-моему, это мой самый задаваемый вопрос за последнее время.

— Происходит то, что Роархарн Вайдхэн выдвинул обвинения против Вэйда. Обвинения в том, что он совратил тебя с помощью приказа и манипулировал твоими чувствами. Халлоран уже выслал вальцгардов, которые должны взять его под стражу до выяснения обстоятельств.

Глава 4

Мэйстон, Аронгара

Ятта

Когда-то мне казалось, что самое страшное — это не взять первое место в одиночном катании на мировом чемпионате.

Потом — что тебя бросил тот, в кого ты влюбилась без памяти.

Теперь я поняла, что самое страшное — это когда рядом с тобой находится тот, кому ты доверяешь на уровне инстинктов, но он не на твоей стороне. Она. Они. И это сейчас было не про Роа и не про Вайдхэнов. Это было про мою семью.

Эрвера родители с собой не взяли, и сейчас мне казалось, что это к лучшему. Но, собственно, на этом все лучшее и заканчивалось, потому что отец на меня нарычал.

— Мы же все обсудили про Гранхарсена, Ятта! Той ночью. Как ты могла снова к нему пойти?!

Я могла бы сказать, что я хотела сказать спасибо.

Что мои чувства к нему никуда не делись.

Да я много чего могла бы сказать, но мне не хотелось. Потому что отец первым делом спросил о том, как я могла, а не о том, как я себя чувствую. Даже не по поводу этого проклятого приказа, нет, а просто по поводу всей ситуации в целом. По поводу осознания того, что со мной случилось.

— Ятта, — повторил он, глядя на меня в упор.

Маму я вообще понять не могла, она молчала всю дорогу. В смысле, пока мы летели для разбирательства в Мэйстон. К Вэйдуну меня не пустили, к нему не пустили даже его мать, меня сначала кульком запихнули обратно в номер по приказу Бенгарна Вайдхэна, а оттуда уже кульком извлекли в кортеж Ландерстергов.

И вот, здравствуйте.

— Захотелось, — ответила я.

— Что?!

— Захотелось. Так получилось. Так звезды совпали. — Я вернула отцу ледяной взгляд. Уж что-что, а это я умела, натренировала за долгие годы общения с ним.

— По-твоему, это смешно.

— По-моему, это грустно.

— Ятта, не паясничай, пожалуйста, — подала голос мама.

— Мы пытаемся разобраться...

Я подавила желание нажать на кнопку, опускающую перегородку между салоном и водителем, и заорать что-нибудь нецензурное.

— В чем? — уточнила я. — Какой ущерб был нанесен вашей репутации?

— Тебе! — мама повысила голос. — Какой ущерб нанес тебе Вэйдгрейн Гранхарсен своими действиями!

Она опередила отца, потому что на упоминании Вэйда его лицо стало абсолютно зверским.

— Я уже сказала тебе по видеосвязи. Отцу в номере. Вэйд

здесь ни при чем, это...

— Ты хоть понимаешь, как работает приказ на психику человека? Особенно отложенный. Он мог вложить в тебя ненависть к Роа, желание винить его во всем. И даже то, как ты себя ведешь сейчас, — у отца дернулся кадык, — прямой показатель того, что на тебя было воздействие! Ты всегда была умной, Ятта...

— А сейчас я дура, понятно.

— Не смей меня перебивать!

— Торн...

На маму отец даже не посмотрел.

— Но сейчас ты ведешь себя как малолетка, у которой кризис переходного возраста.

— А может я и есть малолетка? У которой кризис переходного возраста? — я приподняла брови. — Подумай, пап. Я не имела права быть неидеальной. Не имела права косячить. Не имела права лишний раз сказать грубое слово. Может, меня сейчас просто накрыло, потому что я наконец-то поняла, что не хочу быть идеальной?!

— Бесполезно, — он перевел взгляд на Лауру. — Наверное, не стоило ее брать. Она как будто меня не слышит.

А вы меня слышите?!

Я не стала этого говорить, отвернулась к окну и обхватила себя руками.

— Мы не могли просто оставить ее в отеле, — возразила мама. — Тем более, что Арден приедет сразу в Мэйстон.

— Да, подкинули они нам с Эллегрин подлянку, когда решили устроить себе романтическое путешествие.

— Они же не знали...

— Достаточно общемировой ситуации, чтобы думать о том, что сейчас происходит, а не про любовь.

На этой фразе мне вдруг стало страшно. Мне всегда казалось, что я живу в мире, сотканном из любви. Мама любила отца, отец любил ее, и это было видно, это чувствовалось, их притяжение и близость были чем-то настолько осязаемым, что сложно было этого не заметить. Но что происходит сейчас? Почему он говорит такие вещи?! Такие вещи, какие мог бы говорить, если бы для него ничего не значило это чувство?

— Потому что все может пройти, а любовь останется? — сказала я. — Даже пламя, как показывает практика. Оно может исчезнуть. Рано или поздно ты уйдешь в отставку. Закончатся твои совещания, переговоры, все это станет неважным. Что останется у тебя тогда?

— Не говори ерунды, Ятта, — отец поморщился. — Я тебя не узнаю.

— А я не узнаю тебя.

— Хватит, — попросила мама, — пожалуйста. Мы все на нервах, и если мы сейчас разругаемся, лучше от этого никому не станет.

Я пожала плечами и снова отвернулась к окну. Тем более что мы уже почти прилетели, здание Зингспридского теле-

порта маячило прямо перед нами на горизонте. Для нас очистили ВИП-парковку, на которой уже стоял кортеж Вайдхэнов (они вылетели раньше нас). А еще я увидела Вэйда в сопровождении вальцгардов.

И, судя по тому, что матери по-прежнему не было рядом с ним, ее к нему так и не пустили.

Почему-то именно от этого меня дернуло сильнее всего. За моей спиной стояли родители, Роа был с семьей. Так какого набла к нему никого не пускают?

— Где Танна Гранхарсен? — спросила я, когда мы опустились на парковку.

— С какой стати я должен это знать? — холодно спросил отец.

— Уверена, ты знаешь. Почему здесь собралась толпа всех, кого только можно, а Вэйд один.

— Это внутренние дела Халлоранов, — хмыкнул отец. — Я в это вмешиваться не собираюсь.

— Ты отлично вмешиваешься во все, что тебе нужно. Вмешайся и в это.

— Ятта! — ахнула мама.

— Что? Вы не верите мне, но вы уже объявили его преступником без доказательств. Это вообще нормально? По какому праву он здесь сейчас один?

Отец сверкнул глазами, собираясь ответить, но мы как раз приземлились. К тому же, у него моргнул оповещением телефон.

— Набловы журналисты, — выплюнул он.

— Пресс-секретарь? — уточнила мама.

— Именно. Как они умудряются узнавать все еще до того, как это случилось?

Мама сжала его руку.

— Торн, мы вместе, и это главное.

Он перевел на нее взгляд, и я вдруг увидела в нем все то, что чувствовала с самого детства. Папа безумно любил маму, им не нужны были слова, чтобы это друг другу показать. Возможно, именно это придало мне смелости сделать то, что я сделала, едва дверца флайса пошла наверх, и я вылетела на парковку, оттолкнув руку мергхандара, который ее мне поддал. Я пролетела половину парковки с такой скоростью, как будто за мной гнался обезумевший дракон: на глазах у Вайдхэнов, их вальцгардов и наших мергхандаров. Если бы журналистов подпустили к этой парковке, они были бы счастливы, но воздушные коридоры в этом секторе сейчас по понятной причине были закрыты, поэтому прессе не грозило разжиться горяченьким и осторосюжетным.

Подозреваю, что все очешуели настолько, насколько это возможно — именно поэтому меня не остановили. Не остановил меня и крик мамы:

— Ятта! — за моей спиной.

Я остановилась рядом с Вэйдом и сказала:

— Я пойду с ним.

И накрыла его руку своей ладонью раньше, чем он успел

что-то сказать или сделать.

Я почувствовала на себе десятки взглядов. От вальцгардов и мергхандаров, они были не оценивающими меня, а, скорее, оценивающими ситуацию. Вальцгарды и мергхандары — военные, иртханы, и все они, кто здесь находился, оценивали происходящее исключительно с точки зрения быстрого реагирования: как себя повести. Я почувствовала злость в глазах Риа, боль в глазах Авроры, мамино изумление и ярость Роа. Отец и Бенгарн отлично держали себя в руках, поэтому здесь я почти ничего не почувствовала.

Но по-настоящему важным для меня был сейчас единственный взгляд, когда Вэйд поднял на меня глаза. Я не знаю, что это было, но всякий раз, как мы касались друг друга, всякий раз как мы оказывались вместе, внутри меня возникало это странное пугающее разрушительное чувство головокружительной близости.

Взрывоопасное, яростное, сводящее с ума и заставляющее совершать глупости. Как, например, сейчас, когда он переплел свои пальцы с моими и произнес:

— Я всегда считал, что у тебя просто стальные яйца, Ятта Хеллирия Ландерстерг, но не представлял, что настолько.

С моих губ сорвался смешок.

— Сомнительный комплимент для женщины, но спасибо.

— Совершенно точно нет.

Времени уточнить, что он имел в виду, мне не дали. Отец с матерью приблизились к нам, и сопровождающие Вэйда

вальцгарды вытянулись в струны.

— Ятта, — ледяным голосом произнес отец, — мы уходим.

— Нет, — я покачала головой. — Я пойду с Вэйдом.

Мама беспомощно посмотрела на отца. Она была вполне самостоятельной женщиной, взрослой, решающей взрослые вопросы — другая рядом с моим отцом просто не выжила бы, но сейчас она будто внезапно стала младше меня.

— Не заставляй меня применять силу.

— Попробуйте ее заставить, и на этот раз я буду бить в полную силу.

Отец перевел взгляд на Вэйда. И, в отличие от адресованного мне контролируемого холода, сейчас в его глаза добавилась черная ярость.

— Я не скину тебя с этой крыши только потому, что не хочу марать руки. Пожизненная таэрран для тебя будет идеальным вариантом.

Мама вздрогнула и побелела. Я сжала руку Вэйда так, что мне самой стало больно. Но то, что сказал Вэйд, заставило побелеть от ярости даже моего сверхвыдержанного и горящего своим контролем как чем-то уникальным отца.

— Когда вы все-таки поймете, что я бы ни за что не причинил вашей дочери вред, вам придется извиниться. Не передо мной. Перед ней.

Мама крепко сжала руку отца и сказала:

— Торн. Отойдем.

Он перевел взгляд на нее, как будто сомневался и в ее рас­судке тоже. По крайней мере, мне так показалось, но, к мо­ему облегчению, они отошли.

— Что ты за невероятная женщина, Ятта Хеллирия Лан­дерстерг, — произнес Вэйд, а я с трудом подавила желание сползти рядышком с ним на парковку. Как бы там ни было, Вайдхэны уже ушли, и изо всех них, изо всех, кто смотрел на меня с осуждением, яростью, злобой, мне было искренне стыдно только перед Авророй.

Она не сказала ни слова упрека, хотя, могу поклясться, ей очень хотелось. Не знаю, как бы я повела себя на ее месте. Если бы я была матерью.

— У меня коленки трясутся, — призналась я.

— Да я уже почувствовал, — Вэйд сжал мои пальцы. — У тебя еще и рука трясется. Совершенно несолидарная с Зин­спридом по поводу температуры.

Руки у меня и впрямь были холодные.

— Это я вспомнила о Хайрмарге. Кстати, о совершен­ном... что ты имел в виду, когда сказал: «Совершенно точно нет»?

— Я имел в виду, что с моей точки зрения комплимент очешуенный.

— Да? Ну тогда лови встречу. Ты посоветовал моему от­цу извиниться и до сих пор жив, твои яйца круче.

Вэйд расхохотался так откровенно, что на нас снова по­смотрели все. И лицо отца, которому мама что-то говорила,

стало откровенно зверским.

— Ферн Ландерстерг, — напомнил вальцгард, сопровождающий Вэйда. — Нам пора идти.

В его голосе явно читалось: «Вы уже забираете свою дочь, или нам и ее тоже тащить под конвоем»?

Отец сделал было шаг к нам, но в этот момент Вэйд сказал:

— Иди к ним. Они твоя семья.

Я немного опешила:

— Ты меня прогоняешь?

— Я говорю, что тебе нужно быть с твоей семьей. Им сейчас очень непросто.

— А тебе просто?

— Ты даже не представляешь, насколько.

Я заморгала, а Вэйд произнес:

— Потому что я знаю, что ты на моей стороне.

— А они нет, — ответила я.

— Ятта, клянусь, меньше всего в жизни я хочу, чтобы тебе пришлось выбирать между мной и твоей семьей.

— Но мне все равно придется, — сказала я. — И сейчас я выбираю остаться с тобой.

Вместо ответа он сжал мои пальцы в ладони. И мы наконец-то выдвинулись в сторону здания телепорта. Я спиной чувствовала взгляд отца, готовая драться, кусаться, сражаться за то, чтобы идти с Вэйдом, но к счастью, ничего такого не произошло.

Для нас подготовили экстренный ВИП-переход, а в Мэй-

стоне всех уже встречали Халлораны: старший и младший, и легенда мира иртханов — Леона Халлоран, с появлением которой многое изменилось как в политике, так и в Мировом сообществе. С появлением моей мамы тоже многое изменилось, и в принципе можно было сказать, что и отец, и Аврора, и Бенгарн привнесли в наш мир серьезные трансформации.

Но именно Халлораны стали точкой отсчета.

Начать хотя бы с того, что до романа Леоны с ее супругом, Рэйнаром Халлораном, люди в мире были в принципе на вторых ролях. Не говоря уже о том, что драконов «сдавливали» щитами так, что им было негде жить.

— Добро пожаловать в Мэйстон, — произнес Халлоран-младший. Он выглядел точной копией отца с поправкой на возраст, если не считать цвета глаз. Который ему достался от матери. Цвет летнего неба.

Дархарр был высоким, широкоплечим, от него веяло древней силой иртханов. Или силой древних иртханов. Как-то меня спросили в одном интервью:

— Ятта, вот вы сейчас ближе к человеку. По крайней мере, пока. Как вы чувствуете силу иртханов?

— Сила правящих ощущается как нечто древнее и первозданное, — ответила я. — Сила остальных — по-разному, но иначе. У кого-то она напоминает костер, неукротимую ярость пламени. У кого-то наоборот, спокойное уверенное течение силы, которую чувствуешь незримо.

Именно сейчас я вспомнила этот вопрос, а еще мне поче-

му-то стало невыносимо легче дышать. Потому что за спинами Халлоранов я увидела Гранхарсенов. И еще — во взгляде Дархарра я прочитала сочувствие и поддержку. Адресованную Вэйду.

Глава 5

Ятта

Здание Совета Правления в Мэйстоне напоминало надутый мыльный пузырь, который вот-вот лопнет. Он блестел на морозном солнце так, что мне захотелось зажмуриться, несмотря на тонированные стекла. Вместо этого я повернулась к Вэйду, а он сжал мою ладонь в своей.

Танна Гранхарсен, сидевшая рядом с мужем напротив нас, хмыкнула.

Никто не ожидал, что я полечу с Вэйдом.

Никто не ожидал, что я просто проигнорирую приказы отца вернуться к ним и даже просьбу мамы. Когда Вэйд сказал, что мне придется сделать этот выбор, он знал, о чем говорил. Это было непросто. По многим причинам, и одна из них сейчас сидела передо мной. Или две?

— Что произошло между вами и моими родителями в прошлом? — спросила я. Несмотря на то, что куполообразное здание уже отлично просматривалось, даже по выделенной верхней магистрали лететь до него было еще минут пятнадцать.

Родители Вэйда переглянулись.

— Я же говорю, она мне нравится, — сказала Танна своему мужу. — Реальная девчонка.

Он перевел взгляд на меня.

Несмотря на возраст, Джерман Гроу-Гранхарсен оставался очешуительно привлекательным мужчиной. А еще я вдруг подумала, что если совместить этих двоих воедино, реально получится Вэйд. Никто другой в этом мире не мог бы быть его родителями.

— Твоему отцу не понравилось мое взаимодействие с тобой матерью.

— То есть?

— То есть должна была быть еще одна постановка моего авторства. Но мои методы эмоционального обучения ему не зашли.

— Он ее облапал, — сообщила Танна Гранхарсен так спокойно, что у меня отпали все вопросы по поводу дальнейшего. — Потому что ему не нравилось, как она выражает эмоции. Примерно в это время на репетицию заглянул твой отец.

Я представила, как отец заходит и видит... то, что видит, и кашлянула. М-да, Вэйду здорово повезло, что у него все еще есть отец.

— И вам с этим было окей? — уточнила я у Танны.

— Да, я привыкла. Если бы мы дрались всякий раз, как мой муж объяснял актрисам, певицам и остальным, как работает шоу-бизнес, и как вывести зрителя на эмоции, Вэйда бы не было.

— Я все еще здесь, — напомнил Вэйд.

— Конечно, ты здесь. Все потому что у меня просто шел-

ковое терпение.

Отец Вэйда издал странный звук, что-то среднее между смешком и попыткой виара срыгнуть шерсть.

— К моей семье нужно привыкнуть, — наградив мать тяжелым взглядом, сообщил Вэйд.

— Зато теперь я знаю, почему ты вырос таким.

Уверена, если бы я сказала нечто подобное в кругу собственной семьи или у Вайдхэнов, меня бы не поняли. Но здесь меня поняли прекрасно, больше того, судя по тому, как дрогнул уголок губ у Джермана, вообще сочли комплиментом.

— Продолжай в том же духе, и станешь частью нашей семьи раньше, чем успеешь вздохнуть, — сказала Танна.

— Мам!

— Все в порядке, — фыркнула я. — У меня отличное чувство юмора.

— А я не шучу. Мне, между прочим, внуков хочется.

— Мам! — Рука Вэйда под моей стала просто каменной.

— Что это была за постановка? — перебила я опасную тему, в которую мы все влетели как-то ну очень остро. — Та, которая так и осталась проектом?

— Мы называли ее Ильеррская Севера, — хмыкнул Гроу.

— Не может быть! Вы собирались ставить шоу по истории Райяори Ламеррской?

Отец Вэйда посмотрел на меня еще чуть более пристально.

— Да. А что?

— Просто я писала по ней курсовую, и мой танец... — я осеклась. — Мое последнее выступление было о ней.

Договорить у нас не получилось: флайс пошел на снижение, наш основательно удлиннившийся кортеж — Халлораны, Вайдхэны, мы, все наши безопасники — заходили в воздушный коридор над зданием Совета Правления один за другим.

Мы опустились на верхнюю стоянку и в сопровождении Халлоранов первыми выдвинулись по зеркальному рукаву перехода в здание.

— Нас ждет предварительное внутреннее разбирательство, — произнес Дархарр Халлоран, — и по его результатам мы уже будем решать, что делать дальше.

— Допросите меня, — предложила я. — С помощью приказа.

— Если на вас действительно воздействовали отложенным приказом, это может вас убить. — Правящий и Председатель совета Аронгары посмотрел на меня в упор. — Или полностью разрушить ваш мозг и ваше сознание. Вы не знали об этом, ферна Ландерстерг?

Я вздохнула. Конечно, я знала. Я знала это все, но...

— Сделайте вид, что хотите меня допросить.

Халлоран сдвинул брови, а я продолжила:

— Я не могу выдвинуть встречное обвинение против Рорхарна Вайдхэна. Потому что все, что я сейчас скажу, будет

воспринято как действие под приказом и невменяемость. Но если он действительно что-то со мной сделал, он себя выдаст.

— Это...

— Отличная идея, — перебил сына Рэйнар Халлоран. А после обратился уже ко мне: — Как далеко вы готовы зайти, ферна Ландерстерг?

Я спокойно встретила его взгляд и ответила:

— Не дальше, чем зашел он.

Халлоран-старший прищурился, как будто меня изучал, но я уже привыкла к подобным взглядам. Такое было в порядке вещей с самого детства, когда я для начала стала той самой диковинкой — иртханесса, дочь сильнейшего иртхана, но без пламени. Потом это перекочевало во взрослую жизнь, когда я давала интервью, все пытались рассмотреть во мне что-то, невидимое глазу. Но почему-то именно сейчас я ощутила, что меня рассматривают *на равных*.

Халлоран-старший уже не правил, но он был легендой Аронгары, да и всего мира, пожалуй, и сейчас он смотрел на меня, как мог бы смотреть на правящего, с которым ему предстоит диалог. Осознание этого отозвалось внутри тонкой звенящей струной беспокойства, но я ее легко остановила. В конце концов, меня готовили к работе в дипломатическом корпусе. Не зря же я потратила столько лет на обучение и столько нервов на подготовку к экзаменам.

— Дархарр, — он кивнул сыну, и тот отдал приказ вальцгардам:

— Сопроводите Гранхарсенов в комнату ожидания.
Вэйд снова посмотрел на меня.

— Мне кажется, я заново узнаю тебя каждый день, Ятта Хеллирия Ландерстерг.

В том, что он вот так называет меня по имени — полным именем, было что-то особенное. Как и в том сумасшествии, что мы с ним разогнались от полного радиомолчания до чего-то... чему я и сама пока не могла дать определения за одни сутки? Справедливости ради, мы с ним общались и до вчерашнего дня, вот только наше вчерашнее общение я не помнила.

Но если бы мы были одни, я бы точно сказала ему, что рядом с ним я сама узнаю себя заново каждый день. Сейчас же просто коснулась его руки.

— Я пойду с ними, — произнесла Леона Халлоран, обращаясь больше к мужу, чем ко всем остальным. Я увидела, какими взглядами они обменялись, и поняла, что между ними все еще настолько же остро, как и было когда-то. И всю жизнь.

Когда я думала о своем союзе с Роа, я мечтала о чем-то подобном. Но чем взрослее мы становились, тем отчетливее я понимала, что мои чувства к нему никогда не перерастут наши обязанности. Я пыталась разбудить в себе что-то большее, но у меня не получилось. Наверное, это было к лучшему. Потому что если бы я испытывала рядом с ним даже десятую долю тех чувств, о которых грезил, его поступок пре-

вратил бы меня в пыль.

Хотя, если уж говорить откровенно, я бы точно не простила ему Нису. С такими чувствами измену простить нельзя.

Или можно?

Думать об этом сейчас было лишним, в особенности потому что мы с Халлоранами ушли в одну сторону, а Вэйд с семьей в другую. У нас забрали верхнюю одежду и выдали кольца с датчиками жизненных показателей и схемами здания Совета (на случай, если кто-то потеряется).

Мы свернули в сторону кольцевого коридора и оказались под куполом. Зимнее солнце лилось сквозь него, раскрашивая напольную фреску, изображающую совет правления древности и оборот дракона. Я не представляла, сколько ей лет (отец рассказывал о ней, еще когда я была маленькая), но фреска и впрямь выглядела впечатляюще.

Солнце падало на нее так, что оборот дракона казался реалистичным, как будто он вот-вот расправит крылья и взлетит. Долго на нее смотреть у меня не получилось, потому что Халлораны увели меня дальше, в один из коридоров-лучей, и спустя буквально пару минут мы оказались в кабинете-переговорной. Здесь солнце пробивалось сквозь жалюзи, строгая и лаконичная обстановка, количество стульев вокруг небольшого стола (всего четыре) говорили о том, что в этом кабинете проходят серьезные переговоры в очень узком кругу.

— Ферна Ландерстерг, — Дархарр отодвинул для меня

стул, и я опустилась на него.

— Ятта, — Халлоран-старший посмотрел на меня. — То, что вы предлагаете — весьма опасный ход. Особенно учитывая, кто в этом замешан. Поэтому мне нужно знать все, что имеет значение, перед тем, как мы продолжим. Танна Гранхарсен обрисовала мне ситуацию в общих чертах, но мы сейчас балансируем на крайне тонком лезвии, с которого очень легко соскользнуть в бездну мирового конфликта.

— Особенно учитывая напряженность обстановки в целом, — поддержал отца Дархарр. Он смотрел на меня, и я встретила его взгляд прямым ответным взглядом в упор. Без тени стеснения.

— Я это понимаю. Но я вряд ли скажу что-то новое, кроме того, что вы уже знаете. Моя память и сознание сейчас не лучшие свидетели.

— И все-таки.

Я рассказала все, что смогла вспомнить. Начиная с нашей переписки с Вэйдом и заканчивая тем, что мне показала геолокация. Разумеется, это не было прямым доказательством причастности Роа, но это было хоть что-то. Он прекрасно понимал, на что идет, когда ломал мое сознание, поэтому, когда я говорила «не дальше, чем зашел он», я не кривила душой.

— Гранхарсен обвинил его в том же самом, — произнес Дархарр, когда я замолчала. — Точнее, он пришел с этим к его отцу. Но Вайдхэны сыграли на опережение.

— Не думаю, что сыграли все Вайдхэны, — сказала я.

— Почему вы так в этом уверены?

— Потому что я знаю эту семью.

— Вы знали, на что способен ваш будущий муж? — вопрос Дархарра прозвучал как выстрел в упор из лазерного пистолета. Меня поразил холод и жесткость в его голосе. Если не сказать жестокость.

— Нет, но я уверена, что Бенгарн Вайдхэн не из тех, кто станет такое прикрывать.

— Даже если ему придется оставить свой пост и поступиться своим мировым влиянием?

— Дархарр, — Халлоран-старший постучал пальцами по столу, привлекая к себе внимание.

Сын перевел на него взгляд такой же холодный, как фервернские многовековые льды.

— Нам осталось согласовать это с вашим отцом, Ятта, — произнес Рэйнар, — без его согласия мы, увы, не сможем этого сделать.

Дархарр коснулся коммуникатора.

— Ландерстерги идут к нам.

Ну что ж, мне осталось всего-ничего. Убедить отца в том, что мы должны сыграть в дипломатическую игру, ставки в которой сейчас высоки как никогда.

Мама с отцом вошли в переговорную буквально через минуту. Халлораны поднялись, встречая их, я осталась сидеть.

— Нет, — произнес отец, стоило нам всем разместиться

за столом, а Дархарру — рассказать про наш план.

— Почему?! — вырвалось у меня.

— Потому что я лично беседовал с Роархарном Вайдхэном. У него не было причин это делать, а прикрывать Гранхарсена и выражать свое недоверие Бенгарну Вайдхэну я не собираюсь.

— Может, ты уже выразишь хоть чуточку доверия мне?!

— вырвалось у меня.

— Мы с тобой уже все это обсуждали, Ятта.

— Вы можете нас оставить? — попросила я, посмотрев на Халлоранов. — Дайте мне десять минут наедине с отцом.

Рэйнар кивнул и поднялся первым, сын последовал за ним.

— Мама, ты тоже, пожалуйста, — попросила я.

У нее расширились глаза.

— Что значит — ты тоже? Мы семья, Ятта. У нас нет друг от друга секретов.

Секретов, может быть, и нет, но до взаимопонимания нам тоже далеко.

— Это значит, что мне нужно десять минут наедине с отцом.

— Это ничего не изменит, Ятта, — произнес он.

— Хорошо, пусть. Но мне нужны эти десять минут.

Мама нахмурилась, но потом все-таки поднялась и вышла. Мы остались вдвоем.

— Пап, посмотри на меня и скажи, я похожа на действу-

ющую под ментальным приказом? — Я положила руки на стол.

Мы сидели друг напротив друга, и я смотрела ему в глаза.

— Твое поведение, Ятта, говорит само за себя.

— Что именно? — Я подалась вперед.

— Раньше ты бы никогда не оставила семью.

Я покачала головой:

— Я вас не оставляла. Я просто встала на сторону того, кто ни в чем не виноват. Разве не этому ты меня всегда учил? Оценивать беспристрастно. Искать компромисс между принципами и наилучшим решением? Если это возможно.

Теперь уже нахмурился отец:

— При чем тут это?

— При том, что ты считаешь, что я действовала на эмоциях. Но это не так. Точнее, я действовала не только на эмоциях. Я не считаю, что Вэйд причинил мне вред.

— Вэйд?!

— Я считаю, что это Роа, и вот почему. Я забыла все что я помнила, начиная с того самого момента, как вошла к нему в комнату после нашей ссоры. С Вэйдом мы не виделись в тот момент, и у меня есть все основания предполагать, что он отдал мне первый приказ тогда.

Отец нахмурился еще сильнее.

— Ятта, это...

— Я не говорила об этом Халлоранам. Пока. Но сравни

две ситуации: я не помню ничего о вчерашнем дне и я не помню ничего про то утро.

— Арден сказал, что это последствия взаимодействия с глубоководными, Ятта. Не выдумывай.

— Но что, если я не выдумываю? Просто на минуточку предположи, что Роа что-то не понравилось. В том, как повернулся наш разговор...

— Роа — твой жених с детства, Ятта. Зачем ему тебе вредить? Собственной жене?

— Он мне не жених с тех самых пор, как я узнала про Нису. Но дело не только в этом. Мы оба наделали кучу ошибок, и... он мог захотеть это исправить.

— Если бы он захотел это исправить, ты бы забыла про Нису. В первую очередь.

— Резонно. Но я хочу убедиться в том, что я ошибаюсь. Я хочу быть уверена в том, что Роа не отдавал мне приказ. Ты веришь в одно, я в другое, но правда в том, что ни у тебя, ни у меня нет доказательств. И их не будет, пока кто-то — кто бы это ни сделал, не скажет правду. Или же, если Роа этого не делал, мы просто узнаем, что это не так. Тогда я извинюсь. При всех. Я попрошу прощения за то, что не поверила ему сразу. Просто дайте мне этот шанс. Шанс понять, что тот, с кем я собиралась связать жизнь, не хотел осознанно мне навредить.

Отец долго смотрел на меня и молчал. Так долго, что я думала, что мои слова так по-прежнему не смогли его убе-

дить. Но потом он сказал:

— Хорошо.

— Хорошо? — Я не поверила своим ушам.

— Но ты должна мне кое-что пообещать, Ятта.

— Что именно?

— Как бы это все ни закончилось, ты больше не прибли-
зишься к Вэйдгрейну Гранхарсену.

Даже если я его люблю?

Я споткнулась о свои мысли, выбившие меня из равнове-
сия.

— Это условие для того, чтобы отомстить Джерману
Гранхарсену?

— При чем тут Джерман Гранхарсен?!

— При том, что ты застал его лапающим маму. Пап! Ты
не можешь из-за этого заставлять меня отказаться от него и
от моих чувств...

— Джерман Гроу — проститутка мужского пола. И его
сын такой же. Я не желаю видеть свою дочь рядом с ним ни
при каких обстоятельствах. Выбирай, Ятта.

— Роа может оказаться тем, кто сломал мне сознание,
и еще неизвестно с какими последствиями. Заставляя меня
выбирать, ты заставляешь меня выбирать между браком с та-
ким мужчиной и желанием восстановить справедливость. —
Я подалась вперед. — Как тебе с этим, пап?

Это был мой последний ход. И да, признаюсь, я обучалась
дипломатическим техникам не для того, чтобы использовать

их на своих близких, но у меня не осталось аргументов.

Я устала.

Я хотела просто, чтобы мои разговоры с родителями не напоминали войну. В конце концов, если они там что-то в прошлом не поделили с Гранхарсенами, при чем тут мы с Вэйдом?

Мы с Вэйдом.

Даже сама эта мысль была странной.

Вместо ответа отец поднялся и вышел, а я бессильно опустилась на сложенные на столе руки. Я не хочу работать в дипломатическом корпусе. Я хочу танцевать.

На льду.

Не знаю, откуда ко мне это пришло, я ведь отказалась от соревнований, от спорта, от всего, что связано с фигурным катанием, но сейчас...

— Поздравляю, ферна Ландерстерг, — я услышала голос Дархарра Халлорана и вскинула голову.

Он смотрел на меня, и я недоуменно вскинула брови.

— Поздравляете? С чем?

— Ваш отец согласился на наш тактический ход.

Глава 6

Роа

— Зачем она тебе нужна?! — зло спросила Риа. — После всего...

— Она повелась на манипуляции Гранхарсена, — ответил Роа. Хотя свернувшаяся внутри ядовитым пустынным злость не давала покоя. Если бы можно было свернуть Вэйду шею, он бы это сделал.

Ублюдок не просто предал их дружбу, он посягнул на то, что было для него самым дорогим.

На Ятту.

На *его* Ятту. Она его, только его — и точка.

— По-моему, ты просто стараешься ее оправдать...

— А по-моему, ты лезешь не в свое дело, — огрызнулся он.

Риа обиженно посмотрела на него.

— Вообще-то, я на твоей стороне.

— Если ты на моей стороне, значит, больше никогда не задавай вопросов, зачем она мне.

— Ты на ней помешался.

— Точно так же, как ты помешалась на этом ублюдочном недоноске, который ни во что тебя не ставит?

Они никогда не цепляли тему Эрвера Ландерстерга. Хотя какой он Ландерстерг... выродок Солливер Ригхарн и по-

ехавшего Микаса Лодингера, который, к тому же, не особо спрашивал у нее разрешения, чтобы ей его заделать. Если честно, Роа вообще не представлял, как отец согласился на брак с таким кадром. Но Риа он нравился, а у него в глазах просто читалось: «Она мне на драконий хер не нужна».

Глаза Риа сверкнули, она развернулась и бросилась к двери. Это не укрылось от внимания матери, которая о чем-то беседовала с отцом: они все дожидались начала заседания в переговорной. Все, кроме Этти, ее под конвоем вальцгардов отправили в отель.

— Риа!

Окрик матери сестру не остановил, ее остановила мощная грудь Дархарра Халлорана, в которую Риа влетела на полном ходу. Столкновение было настолько эпичным, что сестра чуть не улетела назад, но он по инерции перехватил ее за талию.

У Роа дернулась щека, потому что на мгновение ему показалось, что Халлоран ее удерживает. Но он отпустил ее так же быстро, как и поймал.

— Мы готовы начинать, — произнес правящий, обращаясь к отцу. С таким же непробиваемым выражением лица, как обычно, как будто Риа только что не отбила свой лоб о его ключицу.

— Замечательно, — произнес отец.

— Но прежде чем мы начнем, я хотел вас предупредить, что к Ятте Хеллирии Ландерстерг будет применен приказ

для выяснения всех обстоятельств. Ландерстерги уже дали свое согласие, проводить его будет мой отец.

Что?!

Мама недоуменно посмотрела на отца, тот нахмурился:

— То есть? Вы собираетесь применить допрос с приказом, учитывая, что на Ятте уже могли использовать отложенный приказ?

— Это решение Ландерстергов в том числе. Они хотят разобраться в ситуации.

Дархарр скользнул по нему быстрым взглядом и снова посмотрел на отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.